

18+

Антон Балконов

Только
ЭТОТ
день

АНТОН БАЛКОНОВ

Только этот день

«Издательские решения»

Балконов А.

Только этот день / А. Балконов — «Издательские решения»,

Эта история случилась с вашим знакомым из соседнего подъезда, или с вашим коллегой по работе. А может быть она случилась с Вами в одном из этих дней, который невозможно будет забыть.

© Балконов А.

© Издательские решения

Содержание

Только этот день	6
Содержание	7
Вместо предисловия	9
Выход к морю	10
Понедельник	11
Взгляд	23
Конфетка	24
Важней всего погода в доме	25
Эхо	28
Солнечный блеск	29
Гости	30
Ориентиры	32
Фотографии	38
По проспекту	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Только этот день

Антон Балконов

© Антон Балконов, 2026

ISBN 978-5-0069-9743-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Только этот день
Провинциальный роман рассказ о тридцатилетних
А. Балконов

Всем ветрам и волнам, всем мужьям и жёнам.

Содержание

Вместо предисловия
Выход к морю
Понедельник
Взгляд
Конфетка
Важней всего погода в доме
Эхо
Солнечный блеск
Гости
Ориентиры
Фотографии
По проспекту
Равнина
Взрослые дети
На старт!
Хорошая история
Разговоры
Чай
Становилось теплее
Озеро
С тобой невозможно говорить!
Две полосы
Ты сможешь!
Картошка
Сдутое колесо
Вечер
Башня из песка
Корпоратив
Кусочек вечности
Сказочка
Личный вопрос
Зверь
Много ты понимаешь
Утро в её кабинете
Ракушка
Слова
Я жду тебя
До завтра
Когда чего-то не хватает
Фонарь
Механизм
Желания... сбываются
Не смей кричать
Берег и танец
Только раз в месяц

Кораблик
Завтра
Кто вы?
Свидетели
Иди сюда
Философия, мать её
Форточка
Смысл вопросов
Надежды
Вокзал
На закат
Вечер на пляже
День знаний
Прощание
Красный квадратик
Белая линия
Отдать швартовый!
Последствия
Вместо послесловия
Только этот день

Далее следует художественный вымысел, и любое совпадение — лишь часть жизни...

Вместо предисловия

Ветер отвернулся, разжал руку и выпустил её ладонь. Не оборачиваясь назад, чтобы не видеть её взгляда, он устремился вслед за красным огненным кругом, исчезающим за горизонтом...

Нагретый солнечным зноем уходящего дня, он поднимался всё выше и выше, пока не оказался среди холодных потоков, у края больших облаков. Там он начинал остывать...

Ветер носился по бескрайним полям, слушая, о чём говорят ему спелые колоски золотой пшеницы, время которых подходило к концу. Он слушал и не впускал их слова в ветреную душу...

Он носился по дворам на пьяных жигулях, с такими же молодыми и пьяными ветрами.

Своим порывом он сдувал нижнее бельё с молодых волнительных роз, покрытых шипами...

Его не ранили их шипы, потому что невозможно причинить боль тому, кто ничего не чувствует.

Ветер радовался, как ребёнок, встречая таких же, как он: свободных, беспечных и вечно молодых...

Когда он видел, как кто-то обнимается, ему становилось тоскливо и одиноко...

Лишь время говорило с ним; оно шептало ему на ухо, что только оно может проверить истинную силу этих объятий.

Стремясь догнать ускользающее солнце, он летел до тех пор, пока его мысли не стали абсолютно свободны и прохладны...

Подгоняемый ураганом будничной суеты, поднимаясь к облакам с потоком завораживающего торнадо неотложных дел, он постепенно пропитался пылью пройденных дорог.

Ветер сажал на свои плечи маленького воздушного змея, и они летали вместе...

Иногда, оглядываясь назад, он терял свою беспечность, и появлялась непонятная печаль...

Он смахивал с себя пыль воспоминаний и летел дальше.

В потоке дней он забыл всё, пока однажды освежающие брызги морских волн не попали на его лицо и... он вспомнил... её улыбку... нежность объятий.

Однажды он вернулся в ту бухту... Ведь мы всегда возвращаемся туда, где однажды любили...

— И что было дальше?!

Рассказчик улыбнулся.

Выход к морю

Острые грани холодных камней вонзались в голые стопы. Поморщившись, он шёл дальше. Каменистая дорога сменилась песчаной тропинкой с островками из выгоревших соломинок. Дорожка поднималась к вершине холма по крутому склону и упиралась в голубое небо.

Фетровая шляпа, чёрные очки, силуэт мужчины в белой рубашке появился на вершине холма. Сквозь тёмные линзы он увидел бескрайнюю синеву, простирающуюся до горизонта.

Первыми донеслись звуки прибора. Ветер подхватил нижний край рубашки и затрепал его, как старого друга.

Только что появившееся светло-жёлтое солнце искрилось капельками красок, которые падали на синее покрывало неспешно качающихся волн и оставляли следы ярких бликов.

Шляпа и очки упали на песок. Он поднял голову к небу и зажмурил глаза. От бездонной синевы закружилась голова. Берег затягивал его стопы, и они увязали в песке, не давая сделать шаг.

Нежный ветер проносился по волосам, передавая тихий шёпот волн, выбегающих на берег. На губах он почувствовал солёный поцелуй, который передала одна из них.

Среди несметного количества песчинок на берегу, недостижимой высоты моря и бездонной глубины неба, он закрыл глаза и растворился, по кусочкам отдавая себя этому берегу.

Сколько он стоял в забвении? Время на берегу не измеряется в привычных минутах и не имеет никакого значения...

— Привет, — шёпотом сказал он и, закатав рукава до локтя, двинулся вдоль берега.

С каждым шагом голова кружилась всё больше и больше, пьянея от воздуха, в котором смешались ласковый солёный бриз и свежесть набегающих волн.

В этой карусели звуков и красок, тонких линий и отсутствия границ, безмятежного спокойствия и утраты счёта времени — можно забыть о прошлых следах.

Нет ничего, что было...

Солнце ещё высоко, и мысли свободны от ожиданий...

И неизвестно, что будет впереди.

Понедельник

Сигнал утреннего будильника пронзил тишину комнаты и, врезавшись в сон, разбил его на осколки. Стекланные частички посыпались на подушку, царапая острыми гранями его лицо. Мгновение, и всё исчезло.

Щёлкнула кнопка чайника. Вода забурлила быстрым потоком в кране. Ботинки стукнули на пороге. В кармане раздался звон ключей.

— Хорошего дня, малыш!

— Хорошего дня, Андрюша. Я люблю тебя, — Андрей подошёл к Жене и поцеловал её.

— И я люблю тебя. Пока! — сказал он и вышел.

Покидая жаркую камеру сгорания, дым струился ровными клубами из выхлопной трубы и на улице замирал на секунду. Попадая в свет лучей фар и в объятия вязкого мороза, он медленно выплывал за пределы стоящих в пробке машин и, подхваченный ветром, исчезал в утренних сумерках, пропитанных синим холодом.

Усилившийся ветер укачивал кузова машин, остановившихся на переезде. Пошёл снег.

По радио играла песня о любви. О чём же ещё петь? Человек тянется к деньгам и любви. И если о любви приходится собирать пазлы из стихов, песен и фильмов, то с деньгами всё более-менее понятно: всегда знаешь хотя бы то, как они выглядят.

Андрей сидел и нетерпеливо барабанил пальцами по рулю, ожидая, когда длинная змея машин тронется вперёд. Снег закружило сильным ветром. Шлагбаум железнодорожного переезда открылся, машины медленно тронулись. Рёв двигателя раздался сбоку. Белый паркетник, с девушкой за рулём, пролетел по встречной полосе. Шипы её колёс, шлифуя на скользком асфальте, выцарапывали кусочки льда. На горизонте переезда замаячила встречная машина и заморгала дальним светом. Машины летели лоб в лоб. Сугробы на обочине не оставляли других вариантов, кроме как вернуться обратно в полосу. Иногда вернуться — единственный разумный вариант. Андрей непроизвольно напрягся и крепко сжал руль. Под аплодисменты из гудков она вклинилась в освободившееся место. Встречная машина проехала. Шлифуя колёсами, белый паркетник снова вырулил на встречную полосу и скрылся за поворотом. Андрей поджал губы и молча позавидовал этой решимости.

На следующем повороте объект зависти улетел с дороги и увяз в снегу. Крутой поворот, скользкий асфальт и усиливающаяся вьюга оказываются сильнее даже самой сильной решимости. Передние колёса просели и, вращаясь, выбрасывали фонтан снега вверх.

Блин, — подумал Андрей, — она же спалит всю коробку!

Он остановился перед ней и, включив аварийку, подошёл к машине. Дверь паркетника открылась, и появилась девушка невысокого роста в сером пуховике. Он узнал её — это была Лена с его работы. Она была из... как его... этот отдел называется? Да не важно, подумал он про себя.

— Привет! Э-э-э, слушай, не газуй: бесполезно! Сейчас я возьму тебя на трос.

Она взволнованно посмотрела на него и, закатив глаза, скрылась в салоне. Снова она вышла со стаканчиком кофе в руках. Снег кружил, залепляя её лицо.

Андрей открыл багажник, нашёл трос и зацепил машины. Через минуту всё было сделано.

— Всё. Езжай осторожно, а то...

— Хорошо, — не дожидаясь окончания его слов, она села в машину и рванула вперёд.

— Пожалуйста, — сказал он себе под нос, провожая её взглядом. Андрей поджал губы и усмехнулся.

Ветер усилился.

* * *

Первый этап спринта завершён. Парковка и бегом через проходную на рабочее место: в старое кирпичное здание, ещё погруженное в темноту.

Через приоткрытую дверь, в конце неосвещённого коридора, выползала ровная полоска света и ложилась на пол. Проползая по серой плитке, она карабкалась к потолку по жёлтым обоям на стене и, вдоволь нагулявшись по холодному коридору, возвращалась в кабинет по замыганным потолочным панелям. Через приоткрытую дверь доносились звуки закипающего чайника и два женских голоса. В кабинете два стола друг напротив друга упирались торцами в окно, занавешенное белой шторой метели. Расцвело.

— А у нас столько снега навалило — по щиколотку! — сказала молодая девушка с короткой стрижкой, не отвлекаясь от рисования.

— Это точно, Настя! — поддакнула Юлия, девушка в очках, сидевшая напротив.

Спешные шаги донеслись из коридора, и в кабинет вбежал человек в тёмном пуховике. Тень коридора сползла с чёрной «бини», повисшей на его макушке, и фигура разразилась громким басом, вклиниваясь, как паровоз на всём ходу, в их неспешный разговор.

— Доброе утро, всемогущие властительницы делопроизводства, повелительницы бумажек, заведующие электронной почтой!

— Привет, Андрей! — сказали они хором и улыбнулись. — Ну, где ты был? Ну обни-и-ми меня скорее-е-й! — засмеялась Юлия.

— Никакого интима — только секс! — надвинув брови, серьёзно ответил он и вытянул вперёд открытую ладонь. Через секунду он растаял, как масло на сковороде, в самодовольной улыбке. — О чём разговор?

— Вчера снег такой пушистый напал, — сказала Настя и, повернув голову к окну, задумчиво посмотрела на белую штору. Улыбка исчезла с её лица.

— Погода у-м-м... То есть вы обсуждали вчерашнее представление света и тени? Видели эту пургу?

— Да, — Юлия улыбнулась и, прильнув губами к кружке, сделала глоток.

— Да, — задумчиво сказал Андрей, подхватив тон Насти. — Природа — самый лучший режиссёр. Её постановки, может, и не всегда венчаются успехом, но анонсы её представлений пользуются популярностью, а критики всегда оценивают её работы... Всегда! Уважаемые критики, позвольте мне испариться в темноте этого коридора и загаситься на несколько минут у себя в кабинете. Хорошего вам дня и да прибудет с вами интернет и соцсети!

Он исчез в темноте коридора, так же быстро, как и появился.

Щелчок замка, дверь скрипнула. Кнопка выключателя отразилась гулким эхом от пустых стен. Красный квадратик календаря сменил дорожку, издав еле слышный: «вшик». Шапка полетела на полку шкафа, стоявшего рядом со столом.

В голых стенах кабинета было прохладно. Ещё секунда, и раздался один из лучших звуков в жизни: шипение чайника.

На столе были разбросаны бумаги. В таком виде он оставил их в пятницу. Теперь она казалась такой далёкой и никогда не существовавшей в этой галактике.

Мелкой дробью гранулы кофе посыпались на дно, следом кипятки хлынул в чашку.

Вода смешивалась с кофе и, вспениваясь, словно поток горной реки, окрашивалась в тёмно-бурый цвет. Аромат жжёного кофе и мимолетного тепла заструился среди тишины голых стен. Ещё минут пять до тех пор, пока на пороге кто-то появится. Всегда кто-то появляется на пороге этой двери. Минута пошла.

Можно провалиться в пустоту, свободную от нескончаемого списка всех дел, которые уже маячат на горизонте этого дня. Кипы бумаг на столе возвышаются, как Гималаи. Ещё немного, и снежный покров сойдёт с этих вершин потоком снега и льда и накроет тех, кто был в долине. Так будет выглядеть этот день.

Пятьдесят секунд, и день закружится в танце: бесконечно тянущегося совещания, пунктами протокола, пробежкой до объекта и пятиминуткой на «ногах» и снова назад. А затем... затем, будет что-то ещё...

Сорок секунд и продолжится погоня за счастьем. Иначе зачем мы ходим на работу?

Двадцать пять секунд.

Утренний напиток исчез в кружке, а запах жжёного кофе растворился в прохладном воздухе. Исчез даже привкус вчерашней ссоры, закончившейся уже за полночь. И ничего не осталось.

— Здорова, разгильдяй! — с порога послышался голос Васильевича. В кабинет вошёл худощавый мужчина лет пятидесяти, невысокого роста, в затёртой рабочей куртке. Он поправил рукой очки, дужка которых была перемотана изолентой.

— Опять ты, старый, я уж думал тебя не откачали после выходных?

— Не дождёшься! — он снял очки и принялся протирать их тряпочкой.

Понедельник — день, в котором сколько бы кофе ни было, всё мало, чтобы начать сначала.

— Опять бардак у тебя на столе!

— Да уж, — Андрей оглядел свой стол. — система пять «эс» здесь не живёт.

— Не любишь ты системность, Андрей.

— Я её нет, а вот она меня очень обожает! Так и хочет меня догнать и выеб... к-х-х... отлюбить.

— Не ты первый!

Андрей направился к выходу, прихватив с собой ежедневник.

— Готов? — спросил Васильевич.

— Да!

— Эй, а спецуху кто наденет?

— Кто вот это придумал? Мне одному кажется, что мы заключённые этой жизни. Только срок не ограничивается восьмичасовым рабочим днём...

Андрей снял серую спецовку с вешалки, стоявшей у входа, и надел её.

— Серой массой проще управлять, — добавил Васильич.

— Ну вот. Теперь мы все одинаковые: я такой же ворчливый старик, как и ты!

— Да иди ты!

— Вперёд! — Андрей зажал ежедневник под мышку и, засунув руки в карманы, сутулясь, двинулся навстречу ещё одному дню.

* * *

Они поднялись на второй этаж и оказались в длинном ярко освещённом коридоре. Люди выстраивались в очередь в зал совещаний. Андрей заглянул в кабинет напротив, над которым была надпись «администратор проекта», и бросил с порога.

— Катя, привет!

Из-за монитора показался взгляд с оттенком металлической отстранённости, спрятанный за широкими очками с толстыми линзами.

— Привет! — Катя улыбнулась и холод на её лице улетучился.

Андрей вошёл в кабинет совещаний и, подойдя к окну, приоткрыл в режиме микро. Метель громко завывала, пробиваясь внутрь. Холодные потоки ринулись сквозь узкую щель окна, заполняя пространство душного кабинета. Андрей откинулся на стул, сполз по спинке и оглянулся. Человек пятнадцать в одинаковых серых куртках сидели за длинным коричневым столом.

Совещание началось со слов:

— Андрей, что бл... — Юрий Владимирович прервал себя на полуслове. Ветер протискивался внутрь, постукивая створкой окна. — ... что с монтажом?

Юрий Владимирович, мужчина около пятидесяти, сидел во главе стола и «шёл» по вопросам протокола.

— Двенадцать человек и кран на объекте. Металл получают и сегодня приступят к монтажу рамы на нуле. — Андрей оглянулся и кивнул в сторону окна. — Как погода даст.

— Да еб... к-х-х... Погода. — Возглас Юрия Владимировича.

— Ещё немного, и пари будет проиграно, — сказал Андрей, ехидно улыбаясь.

— Не дождёшься! — Суровость Юрия Владимировича слетела и на краю повисла едва заметная улыбка. — Не дам тебе такой возможности: заработать на мне.

Юрий Владимирович обладал резким нравом и не церемонился с выражениями, но пари есть пари: он держал себя в руках. День без мата. И надо же было придумать такое?!

Те, кто по-настоящему портят тебе жизнь, делают это вежливо и с улыбкой. Юрий Владимирович был не из таких, а это просто рабочий момент. Как говорят успешные люди, ничего личного.

— Что с эстакадой? Я проходил мимо крыльца и не видел, что там сделано?

— Работы начали в пятницу...

Понедельник, утро, планёрка, вспыльчивый руководитель — прекрасное средство проснуться.

— Антон Степанович, уже освоился на новом месте? Можешь сказать, что по графику?

Владимирович обратился к худощавому парню, который барабанил пальцами по столу. Щетина, короткая стрижка ежиком и седина на висках — ему чуть более тридцати. Впрочем, в мире, настолько увлечённом экологией, седеют очень рано.

— По графику имеется отставание... — бодрым голосом Антон зачитал доклад. Быстрая, спокойная речь и беспокойно бегающие глаза: вверх — на потолок, вниз — на стол, влево — в окно, вправо...

«Отставание» звонким эхом прозвучало в голове Андрея, когда он смотрел на планер в ежедневнике. Понедельник, вторник... в каждом из них уже были назначены дела. Ровные полоски блокнота, между которыми расположился текст: встреча, совещание, задача. Ограниченное пространство между двумя линиями вмещало искорку жизни. А если не вместились, то можно перелистнуть страничку. Он перелистнул страничку. Незаполненные пустые поля — лёгкий привкус надежды на свободу.

— Лена, что у нас с дебиторской задолженностью?

— На сегодняшний день имеется... — приглушённый голос доносился с конца стола.

— Можно чуть громче?

Голос откашлялся и продолжил вполне уверенно и отчётливо громко.

— На сегодняшний день имеется задолженность в размере, в том числе шестьсот тысяч с прошлого...

Андрей высунул голову и посмотрел в конец стола. Лена сидела в тёмной спецовке, обняв себя за плечи. Под светлыми волосами он увидел её печальный затуманенный взгляд, который навис над большим коричневым столом.

А утром гоняла, как бешеная, подумал он.

— Да, кстати, шестьсот тысяч, Андрей Александрович! — Юрий Владимирович переключился на Андрея. Если называют по имени отчеству, то это к подвоху. — С чего начинается театр?

— С вешалки и стакана коньяка, но может и больше — смотря какой спектакль.

Юрий Владимирович сдал улыбку и продолжил.

— А стройка?

— С забора и туалета.

По залу прокатился смех.

— Вот именно — забора! У нас ещё не закрыт вопрос по забору.

— Принял, сделаю, выпишу саморезов и докручу.

По залу снова прокатился смех.

— Не язви, бл... — Андрей с язвительной улыбкой вытянулся, чтобы услышать окончание этих магических слов, словно имя того, кого нельзя произносить. Юрий Владимирович откашлялся и продолжил — Продолжаем.

Дверь открылась, и лысая белая голова начальника планового отдела появилась в оправе чёрных очков. Он зашёл с большой кипой бумаг в руках и сказал.

— Юрий Владимирович, у нас тут разбор отчётов запланирован после вашего.

— Мы уже скоро заканчиваем, ещё минут десять.

— Хорошо. Мы пока занесем.

— Да, конечно. Так, а что у нас с поставкой...

Начальник плановиков двинулся к широкому подоконнику. Вслед за ним вошли ещё трое с такими же высокими башнями бумаг в руках. Они аккуратно положили эти стопки на широкий подоконник и вышли.

— Так Антон, Андрей, мне нужна информация по составу оставшихся элементов... — Юрий Владимирович продолжил нарезать задачи.

Андрей перелистывал свои мысли, как листы в ежедневнике: высшее образование, курсы саморазвития и повышение квалификации — всё сводится к вовремя сделанной табличке в формате... Обычно звучит: мне «пох», главное, чтобы было понятно.

— И мне по... к-х-м-м, безразлично в какой форме будет эта табличка, главное, чтобы понятно!

Андрей вздохнул.

— Есть, понятная табличка! — по-солдатски бросил Андрей, вызвав улыбки на хмурых лицах.

— Продолжим. Что там с...

Катя сидела за своим столом, отвернувшись к окну. Её задумчивый взгляд падал на маленький цветок в горшке на подоконнике.

Это утро, со всеми вытекающими потоками бурлящей жизни, совсем не волновало её в этот момент. В её задумчивом хрупком взгляде прослеживался след твёрдой печали. Её мысли окружили зелёные листья и раскрывшиеся красные лепестки. Она заботилась о нём. Красота требует заботы и внимания — сорняки растут сами по себе. Катя вспомнила о том, что заботило её саму, точнее, она не могла забыть об этом ни на минуту: время. Время, которое безвозвратно уходит.

Этот цветок живёт лишь короткий срок. Влага питает жизнь в этих листьях, почва насыщает силой его стебли. Свет, тепло и время, которое владеет этой маленькой жизнью. Маленькая жизнь... В голове промелькнула ручка племянницы, которую она держала в минувшие выходные... крошечные пальчики малышки... нежные и такие беззащитные. Их хочется укрыть в своих ладонях...

Катя попыталась вдохнуть полной грудью, но между ребер больно сдавило, и она не могла глотнуть воздух. Она поднялась со стула и убрала цветок с подоконника. Щелчок пластиковой ручки окна...

Дверь в кабинет совещаний открыл кто-то из тех, кто ходил с бумажными папками...

Поток ветра с рёвом вырвал створку приоткрытого окна и проскочил в зал совещаний. Створка отлетела и врезалась в стопки бумаг, сложенных на подоконнике. Подхваченные ветром, листочки закружились в снежном вихре. Завывая, ветер рванул в коридор и, вломившись в кабинет Кати, устремился к форточке.

Андрей слышал за спиной хлопок и гул ветра. Матерные слова посыпались из безликих лиц, которые преобразились в одно мгновение. Уверенные лица уверенных людей уверенно

источали ругань, столкнувшись с таким простым ветром. Лица пронзил испуг. Страх срывает маски и лучше, чем опытные стриптизёрши, обнажает истинные лица.

Антон неподвижно смотрел на то, как листочки бумаг кружатся и падают на стол перед ним. В его взгляде был маленький ребёнок, который с нескрываемым восхищением впервые увидел праздничный салют. Его пальцы замерли.

Юрий Владимирович нахмурился и больше уже не мог сдерживаться. Слова мата вылетели, как жирные птицы из клетки приличия, в которой он удерживал их. Почему жирные? Потому что полёт им только снился — так и плюхнулись в общий круговорот.

Андрей подскочил к окну и закрыл его. Два скреплённых листочка бумаги легли на его голову, словно крыша домика. Его взгляд упал в конец стола, где два ярких огонька глаз, наполненные радостью, смотрели на него. Свет потолочных светильников упал на её белоснежную улыбку, и Лена засмеялась. Не двигая головой, Андрей поднял глаза наверх и снял свою «бумажную шляпу». Он улыбнулся и исполнил реверанс её улыбке.

* * *

Дверь в кабинете Андрея была открыта. Всегда.

— Андрей Александрович, вопрос по геодезии: здесь указана отметка, а на другом чертеже лист пять.

Молодой спортивный парень появился в кабинете. Андрей молча снял трубку телефона. — Алло, Пётр Васильевич, это Андрей. Да знаю, что ты узнал — у тебя же высвечивается мой номер. Тут вопрос от Семёна. Не помнишь? Да ты что? Такой упитанный, спортивный молодой человек, лысый и в очках. Ещё спортом занимается и всё успевает. Ну так вот, как бы мне узнать — какая правильная отметка блок-секция шестнадцать на листе два или пять? Смотри... — Андрей вопросительно посмотрел в сторону Семёна. Тот показал ему чертёж. — Смотри фрагмент три и шесть соответственно.

Раздался звонок мобильного.

— Алло, Андрей, привет! У нас тут простой!

— Ты когда говоришь так, Паша, ко мне сердечный приступ подкрадывается. Ты что хочешь, чтобы у меня сердце остановилось?

Смех в трубке.

— Ща погоди, Пётр Васильевич, ну что, пишем по отметке или как? Всё хорошо, напишу, а вы пока разберитесь с этими корнями: откуда они там растут? — он положил трубку и продолжил по мобильному: — Что там, Паша?

— Нет металла на складе.

— Ты знаешь, я сейчас ощутил всю эту тяжесть на себе. Сколько там тонн?

— Шестьдесят три.

— Шестьдесят три тонны на моём позвоночнике.

В этот момент зашёл ещё один парень в кабинет.

— А вот и снабженцы пришли. Лёха, чего там нет?

— Ничего, а точнее на приход не поставлен. Пришёл-то весь, а отписать не могут.

— Вот, Паша, ты меня обманул. Всё, оказывается, есть, а вот получить ты пока не можешь. Лёха, ты звонил в бухгалтерию, когда поставят?

— Митрошина на больничном, а Сухарева — занята.

— Блин! Известите РП! Владимировичу сообщите!!! — крикнул Андрей уходящему Лёхе.

В кабинет зашла молодая девушка. Край глаза Андрея зацепился за край чёрной юбки, подчёркивающей красивую линию бёдра. Андрей вытянулся к ней.

— Подскажите, где сидят юристы? — спросила девушка.

— Давайте я покажу.

Андрей вышел с ней в коридор и указал путь. Она поблагодарила и ушла, а он, зацепившись за тот край чёрной юбки, проводил её улыбкой.

— Красотка, — сказал Семён.

— Пошли в столовку, Семён Семёныч. — Они рассмеялись. — Почему мятая майка?

— Да, блин, проснулся поздно — еле успел на работу.

— Как-то неправильно занимаешься спортом!

— Это почему? — спросил Семён с нескрываемым удивлением.

— Спортом надо заниматься так, чтобы, надевая мятую майку на тело, она разглаживалась на тебе сама.

— Ха-ха-ха.

Они вышли из здания и прошли по узкой дорожке до забора. Минувя калитку, они оказались на широкой аллее с лавочками, покрытыми снежными сугробами. Метель утихла, и выглянуло солнце. Они прошли по аллее мимо главного здания и подошли к зданию столовой.

— Ну что, смотрел бой? — спросил Семён.

— Какой, тот женский «эм-эм-эй»?

— Да.

— Не знаю, не люблю я такое: женщины сильны по-своему. И пусть меня посчитают сексистом.

— Ты про что, про чувства?

— И про них тоже. Каким бы ни был сильным мужчина, когда женщина встаёт на колени — в итоге любой сильный мужчина проигрывает.

— Ха-ха-ха.

— Проще говоря: они сильны по-своему. Мало кто из женщин не смог укротить силу мужчины, а укротив, превратили твёрдую силу в сморщенного гнома. Вот это сила победителя: победить природу. Вот посмотри на Сашу.

— Сашу?!

— Сашу Грей. Худая, миниатюрная, а скольких мужиков победила.

— Ха-ха-ха.

Они вошли в трёхэтажное здание и, минуя холл, поднялись по широкой лестнице на второй этаж. Огромный обеденный зал встретил их шумом разговоров и запахом еды, от которого сводило желудок. Пластиковые разносы тихо шуршали, перемещаясь вдоль металлической линии раздачи. Вилки и ложки звонко отстукивали по тарелкам.

— Что на выходных? — задумчиво спросил Андрей, изучая ассортимент салатов.

— В общем, мы погуляли на берегу реки...

Двери автомобиля хлопнули.

— Замёрзла?

— Да, есть немного. — Она сняла перчатки и подула на свои синие пальцы.

Салаты и закуски окутаны холодом камеры раздачи. Цвета ингредиентов терялись в белоснежных блюдах.

— Сейчас, — он включил обогреватель посильнее и выключил панель мультимедиа. Свет в салоне потух. Только узкая синяя полоска от кнопок на центральной панели освещала её лицо. Двигатель тихо шуршал под завывание ветра снаружи. Свет от фар терялся среди миллиона снежинок, круживших перед машиной.

Он окинул её взглядом и улыбнулся. Она сложила руки на своих коленях. Он потянулся, взял её ладонь и, наклонившись вперёд, прикоснулся к её губам. Щека медленно скользнула по её лицу, почувствовав холод кончика носа. Запах косметики стал отчётливым, таким же стал вкус помады на её губах. Рука скользнула по её бёдрам...

— Суп?

— Да э-э-э... мне борщ, со сметаной.

Руки скользили и жадно цеплялись за край одежды, пытаясь стянуть её. Пуговицы куртки освобождались из заключения петель. Всем телом он навалился на неё, перегнувшись через подлокотник машины. Рубашка распахнулась — белая полоска тела сверкнула в темноте салона. Руки почувствовали тепло её тела и, скользнув вниз живота, упёрлись в тугий пояс на её джинсах.

Половник перевернулся, и кусочки мяса с картофелем плюхнулись в тарелку. Белые картофелины скрылись под красной пеленой. Тарелка, пышущая паром, двинулась на разное вдоль металлической линии раздачи.

Нос упёрся в щеку, когда язык скользил в объятиях другого языка. Обхватив её затылок, он крепко прижимал её к себе. Второй рукой копошился на её поясе. Ещё несколько движений голодных пальцев — и ремень раскинулся в стороны; пуговица туго покинула петличку; тихо расцеплялись зубчики молнии на джинсах...

— Что на второе?

— Так... Котлету и картошку.

Полная раздатчица подцепила щипцами котлету и, положив её на тарелку, прижала её сверху так, что из котлеты вытек сок и растёкся по тарелке.

Она лежала на заднем сиденье, в спину упиралась пряжка ремня безопасности. Он стягивал её джинсы и, под натиском его усилий, в руках оказались те, которые не хотели сдаваться так легко. Он отбросил её джинсы на руль. Она схватила его за майку и притянула к себе. Ботинок отскочил под переднее сиденье. Нависнув над ней, он держался одной рукой за дверь и целовал её. Второй рукой он растёгивал пряжку на своих штанах. Её руки обвивали его спину и заползали под ремень. За запотевшими окнами, в полутьме салона виднелись два белых тела.

— Оплата наличными или картой? — голос кассирши растревожил Андрея.

— Ладно, — Андрей достал кошелек и протянул кассирше деньги. — Скажи, когда у нас зарплата?

— Через десять дней. А твои выходные, что делал? — спросил Семён.

Что я делал? В голове звенели слова, как мелочь в кармане: «Тебе всегда некогда!...»

— Да так, домашние дела. Женишься — поймёшь.

Кассирша отсчитала сдачу и посыпала мелочь на белую тарелочку.

— Никогда. Семья — это дорого. — Семён достал телефон и отсканировал код на бумажке.

— Да, семья — это дорого! И деньги в ней самая дешёвая вещь.

Андрей забрал мелочь и скинул её на разнос.

— Я иногда вспоминаю только одну, с кем мне бы хотелось провести достаточно много времени. Возможно, всю жизнь, — задумчиво сказал Семён, подхватив на руки разнос.

— Но...

— Да. Всегда есть какое-то «но».

— Да. Семён, запомни: прошлого нет. Вот посмотри на фотографию жареной картошки с золотистой корочкой. Слюна бежит — представляешь, как она тает во рту. С лучком и на растительном масле. Так вот — фотографией обжечься-то ты можешь, но голод не утолишь, только аппетит испортишь. Да уж, кушать хочется.

Они оглядели зал в поисках свободного места и увидели, как Катя машет им рукой. Они сели к ней за столик.

— О, посмотри, — сказала Катя, указывая на монетки на разное Андрея. Она взяла одну и повертела её в руках. С виду она была такой же, как самый обыкновенный рубль.

— Действительно, по размеру такая же, — сказал Андрей, поглядев на монетку.

— Это бат, — сказала Катя и улыбнулась, — она из другого племени, а все принимали её за свою. Затерянная монетка среди других похожих, но не таких.

— Думаешь, она не знает себе цену? — спросил Семён.

— Нет. Просто на неё никто не обращал внимания. Такая мелочь — быть не таким, как все.

— Да, никто не обращает внимания на мелочь, — подтвердил Андрей.

— Кстати, она стоит дороже, чем все прочие похожие. Тебе повезло!

— Не люблю брать долги: придётся возвращать сполна. Хочешь, возьми её?

— Нет. — Катя откинулась на спинку стула. — Она выбрала тебя — ты с ней пройдёшь какой-то путь. Возможно, заплатишь, как ты говоришь, сполна. Хотя... заплатить монетками — это ещё не значит отдать что-то ценное.

Андрей посмотрел на монетку и убрал её в карман. Зазвонил мобильник.

— Андрей, срочно в кабинет Григория Владимировича!!!

* * *

— Кто виновник? — спокойно спросил Григорий Владимирович.

Руководитель подразделения, Григорий Владимирович, всегда был спокоен. Пожилой возраст давал о себе знать — нервничать было вредно, да и бессмысленно. Когда проживаешь длинную жизнь, многое теряет какой-либо смысл.

— Мы потеряли как минимум два месяца на этом проекте. Я спрашиваю, кто не отработал заявку вовремя?

— Заявка ушла вовремя, — сказал Андрей.

— Но ответа на уточняющий запрос не было!!! — быстро сказал толстенький начальник снабжения.

Молчание повисло в воздухе.

Андрей вернулся в кабинет и, сдвинув бумаги в сторону, залез в почту. Шестьдесят восемь непрочитанных...

Он нашёл тот запрос — письмо было прочитано. Горечь подступила к горлу. Он смотрел на сообщение и думал: почему он не ответил на него? Видимо, это было в тот момент, когда... да теперь уже и не важно: причина обязательно была. Причины приходят и уходят со звуком, иногда с оглушающим шумом — итог остаётся в тишине.

Андрей уставился в окно и вздохнул. Он громко сматерился, встал и вышел из кабинета.

Здание — муравейник. Гулкий звук каблуков раздавался в коридоре: кто-то из муравьёв спешил. Оживлённые муравьи разговаривали, стоя в очереди к работяге-принтеру. Тот гудел, отработывая заказы на копии и сканы, многие из которых закончат свои дни в корзине. Одни в реальной, другие в цифровой.

* * *

Мужчина в синей форме и фуражке стоял лицом к стене, на которой висела карта. Он тяжело вздохнул — сбились с курса на две широты. Грузный взгляд и глухой вздох наполнили каюту. Стены громко поскрипывали, плавно укачиваясь на волнах. В руках мужчина держал трубку, из которой медленно выходил дым. Он остался в каюте один и разразился громким криком.

— Ну «ептвою» мать! Портовая крыса!!! Сборище вонючих китов!!!

* * *

Андрей сидел в приёмной молодого и энергичного директора, Сергея Ивановича. Коренастый и крепкий, в комплектацию входило и небольшое пузо. И это не нервы — это отсутствие подвижности.

Красное лицо и добродушный взгляд. С Сергеем Ивановичем можно было поговорить о многом: он весёлый и поддержит любую тему.словно ты стоишь у подъезда с хорошо знакомыми ребятами, но всё меняется, когда дело касается работы.

— Что ты мне на хер втираешь? — раздался рёв из кабинета директора. — Ты мне, блядь, «чё» говорил? Женя, забыл, блядь?! Ты своим пальчиком водил по этой же, сука, карте на этой стене и обещал прокинуть электричество к пятому числу...

Крик пролетел по высоким потолкам коридора второго этажа главного здания. Секретарь Дарья держала в руках кофе, приготовленное для директора, но он уже был взбодрён и без него. Она вздрогнула от его крика, но в долю секунды успокоилась: сила привычки взяла своё. Немногие выносили такие вспышки ярости, а кто переносил, тот уже ничего не боялся — ну кроме очередного подорожания ЖКХ. — Ты этот палец, чё решил мне в ж... я тебе сейчас его сломаю «нах». — Раздался громкий удар об стол, словно Жене действительно ломают палец.

Сергей Иванович в юности часто решал вопросы при помощи силы. Сила привычки — вещь страшная.

Женя, он же главный энергетик, вышел из кабинета директора с красным, но невозмутимым лицом. Обруганный, но всё ещё в форме — привычка!

Андрей вздохнул: он следующий в этой очереди на проверку стрессоустойчивости. Сергей Иванович вышел следом за Женей в приёмную и столкнулся с только что вошедшим Максимом Геннадьевичем. Максим Геннадьевич был одним из собственников, и это было видно: стройный и высокий, в шикарном костюме, с горделивой осанкой и величественным видом.

Дарья расплылась в улыбке и приклеилась к нему, что-то щебеча.

Сергей Иванович преобразился в одночасье: он стоял с добродушным лицом, приветствуя Максима Геннадьевича. Они скрылись в кабинете.

Казнь — отсрочена. Хуже времени в ожидании собственной казни может быть только увеличенное время ожидания.

Зазвонил телефон.

— Алло, Андрей, привет.

— Привет, папа.

— Как ты?

— Да нормально. Я сейчас немного занят, я перезвоню.

— Андрей Александрович, — секретарша вышла из кабинета, — вас ожидают.

Тёмная массивная дверь тяжело открылась, и Андрей исчез в глубине огромного кабинета.

* * *

— Ну как всё прошло? — спросил Васильевич.

— В целом — любовь спасёт мир. Отлюбили, но ничего страшного — жить буду.

Они стояли в коридоре напротив кабинета Андрея.

— Тебе надо просить второго человека — не успеваешь. Оттого, что пытаешься стоять на носочках, хер толще не станет.

— Василич-Конфуций. — Андрей протянул авторучку Васильевичу. — Адрес пиши.

— Какой? — удивлённо спросил Васильевич.

— Типографии. Если будешь издавать автобиографию, то я обязательно куплю эту книжницу.

— Да иди ты!

* * *

Андрей вернулся в кабинет. Доспехи покорёжены от ударов мечей, на теле ссадины и синяки. Скорее всего, так возвращались с работы легионеры. Теперь всё не так: самые больные удары — это урезание премий; ссадины — это стрессовые ситуации; пробитая броня — это удары по самооценке неглупых, в своём деле, специалистов...

— Алло, Андрей.

— Да, Женя.

— Надо Ксюшу забрать в шесть. Ты сегодня задерживаешься?

— Хорошо, я постараюсь забрать.

— Как ты?

— Да... ладно, мне пора.

— Люблю тебя.

— И я тебя люблю. До вечера.

Броситься с лодки в гущу кипящего шторма останавливает только лишь то, что на лодке плывут ещё двое: те, за которых ты в ответе. Ответственность — что это? В ней и ветер парусов, который двигает тебя к новому горизонту, и в ней же якорная цепь...

Шестьдесят три непрочитанных сообщения. Андрей окинул недовольным взглядом гору из бумаг. Ему захотелось кофе — он поднялся на второй этаж. Администратор Наталья о чём-то хихикала с Антоном, который стоял возле её стола. Андрей подошёл к кофемашине — вода закончилась. Он налил воды, щёлкнул кнопку нагрева, а в шкафчике обнаружил пустой пакет кофе. «Блин» — пронеслось в голове. Он нашёл целый и засыпал его в мельницу. Просигналил датчик прочистки поддона.

— Бл@ть, — раздался раздражённый возглас Андрея.

— Ну что ты его мучаешь, Андрей? — спросила Наталья с улыбкой.

— Да потому, что, бл@ть, кто-то за собой не убрал! Чего, бл@ть, никто за собой не убирает?

— А что ты так с девушкой разговариваешь? — Антон, хихикая, включился в разговор. — Поуважительнее! Что за мат?!

Его голос звучал, как голос учителя на уроке в пятом классе: пренебрежительно и высокомерно. Хихиканье эхом отразилось в голове Андрея.

Стрелка термометра на корпусе кофеварки вошла в жёлтую зону.

Андрей развернулся и двинулся навстречу Антону, который ехидно улыбался.

О чём Андрей думал? О корпоративной этике поведения, о дресс-коде? Нет.

— В смысле уважительнее? — его лицо помрачнело.

О чём он думает? О нормах поведения, что такое хорошо или плохо? Нет.

— ... Я общаюсь с девушкой, и если ей что-то не нравится, то она сама мне скажет об этом.

Кулак сжался до первого треска в пальцах. Скулы напряглись, и собственный голос вызывал дикое раздражение. Пять шагов — и Андрей подошёл вплотную к Антону, прижав его к стене.

Стрелка термометра кофеварки подползла к красной зоне.

Веки глаз замерли, а пульс участился. Андрей слышал скрежет своих зубов, ежедневно подвергающихся чистке: утром и вечером.

О чём он думал? О прайде? О горделиво восседающих львах посреди пейзажа саванны? О жёлтой сухой траве, готовой воспламениться от одной искры? Нет.

— У тебя есть вопросы?

О чём он думал? О камере видеонаблюдения в углу кабинета? О жажде, которая пересушила горло? Нет.

Наталья замолчала с лицом, источающим тревогу в предвкушении зрелища.

Андрей думал о раздражителе и о том, что кнопка выключения находится у Антона прямо на челюсти. Он думал о положении ног, о длине рук, о расстоянии, об основании пола и сцеплении с подошвой обуви, о пространстве между стеной и столом Натальи.

Сухость во рту. Сухой воздух в помещении.

Антон выдохнул, отвёл взгляд в сторону и проскользнул вдоль стены.

— Да что ты так...

Кнопка на кофеварке отщёлкнулась.

* * *

Васильевич появился на пороге.

— Андрей, через десять минут на проходной. Идём в цех, начальник собирает.

— Что, опять что-то новое? Я уж думал поработать, — ответил Андрей, допивая кофе.

Васильевич оглядел стол и мотнул головой в сторону.

— Смысла немного. — Он вышел в коридор. — Зайду через десять минут.

«Раз так, то и ладно», — подумал Андрей и закрыл глаза.

Камень летит с высокого скалистого откоса. Вдалеке раздаётся приглушённый стук.

Взгляд

Молодой ветер бродил с задумчивым видом, мелькая полосками спортивного костюма в толпе, остановившейся возле золотого фонтана. Осматривая старинные здания, его взгляд привлекло нечто совсем иное — он остановился, как вкопанный. Молодая волна громко смеялась, разговаривая со своими подругами. Она окинула взглядом высокого парня, стоявшего неподалёку: поцарапанный нос, разбитые костяшки, сигарета в зубах и взгляд.

Во всей движущейся вселенной, его глаза стали неподвижными точками, которые замерли при виде её. Она засмеялась — он стоял неподвижно.

Конфетка

— Привет, — прозвучал тихий женский голос.

Шторки век откатились вверх — Андрей выключился на минуту. Монитор с открытой почтой. Непрочитанных стало уже шестьдесят пять. Всё те же бумаги на столе.

Возле стола стояла она — утренняя «встречка» и смотрела на него с недоумением. Пауза затянулась дольше, чем затянулась бы ловкая, и перешла в разряд неловких.

— Вот, зашла сказать тебе — спасибо. — Она неуверенно протянула ему руку, в которой была конфетка в зелёной обёртке. Всё тот же взгляд: задумчивый и грустный.

— О, привет, Лена. — он привстал и начал, что-то искать. — Чай будешь?

Он протянул руку и взял конфетку.

— Нет. Спасибо. — Она отвернулась и двинулась к выходу.

— Приятного чаепития, — сказала она уже на пороге, не оборачиваясь. В коридоре послышался перекрёстный звук её удаляющихся шагов и чьих-то приближающихся.

— Какая девушка от тебя убежала: аж вприпрыжку! — бросил Васильевич с порога.

— Всегда, кто-то уходит... — протяжно, словно горный аксакал, сказал Андрей — Но не ты!

Важней всего погода в доме

— Как прошёл день? — Женя взяла в руку тарелку и открыла кастрюлю.

Кастрюля — столовая утварь, в которой готовят еду. Едой утоляют голод и поддерживают жизнь. Тарелка — вид столовой посуды, из неё употребляют еду.

— Всё, убила... Да... нормально — Он взял свою кружку и подошёл к чайнику.

Кружка — это питьевой сосуд, необходим для непосредственного употребления напитков из неё.

— Ах нет, вижу всё по лицу, — сказала она и открыла ящик. Ложки и вилки зазвенели, ударяясь друг об друга.

— Ксюша, ты будешь кушать? — вилка цокнула по тарелке.

— Нет, мама, я не хочу!

Ложки и вилки — столовые приборы, которые используются для транспортировки еды из тарелки в ротовую полость.

— Ну, видимо, уже чипсов наелась после школы. Итак, ты будешь говорить? — она обратилась к Андрею и поставила тарелку на стол.

Стол — элемент мебели для размещения предметов, принятия пищи и прочего...

— Да сегодня... очень тяжело прошли переговоры с директором... Ну какие переговоры?..

Он налил кипяток в кружку. Кипяток нужен для того, чтобы заварить согревающий напиток.

— ... В общем, меня отругали там...

Он достал пакетик чая и замолчал. Чай — приятный согревающий напиток...

— Знаешь, иногда это так упадёт грузом каким-то... И только успеваешь уклоняться от этих...

Зазвонил телефон Жени.

— Сейчас, извини, это по школьному мероприятию. Алло, да. Да, Оксана Николаевна, конечно.

Телефон — это аппарат для передачи и приёма звука на расстоянии.

Андрей включил телевизор и уселся на диван.

— Велосипед, Андрей, у Ксюши стал маленький. Впереди лето, — сказала Женя, вернувшись на кухню.

Он вспомнил список ежемесячных платежей...

— Надо купить платье на выступление.

— Ещё на ТО заехать надо, — сказал Андрей негромко.

Качка усиливается. Андрей поднялся и достал из верхнего шкафа рюмку.

Рюмка — вид стеклянной посуды для употребления алкогольных напитков.

Из нижнего шкафа он достал бутылку виски.

Говорят, алкоголь нарушает функции организма. Вероятно, в этом его воодушевляющая сила: в жизни достаточно функциональных вещей, которые мертвы для души.

Крен на нос...

— Нужно купить велосипед. Я нашла вариант — он дешевле сейчас.

— А старый, что с ним?

— Ты смеёшься надо мной?! Ты хоть иногда слушаешь меня?!

Едва заметный тонкий кинжал молнии пронзил свинцовые тучи. Медленно и неизбежно приближался горизонт, превратившийся в единую монолитную тёмно-синюю глыбу. Шторм — неотвратим!

Возле мачты, обращённый к горизонту, стоял человек в фуражке и синей форме. Обернувшись к рулевому, он зажал в зубах трубку чёрную, как смоль. Выжженная морской пеной седая борода шевельнулась и обнажила пожелтевший оскал. Две точки глаз разгорались адским огнём на фоне пылающего лица, обветренного всеми солёными ветрами всевозможных широт.

— Мы направляемся в пасть к шторму, сынок! Ха-ха-ха!!!

— ... Ксюша не каталась на старом велосипеде в прошлом году! — голос становится громче.

Сквозь нескончаемый порыв шквалистого ветра пробивался громкий смех человека с трубкой. Зловещий и на грани безумия, он отчётливо звучал под кожей — где цеплялся за корешок каждого волоска заставляя их дрожать. Треск грома и корпуса судна. Качка небрежно взяла тела в свои руки и швыряла их по палубе.

— Левый галс, полный бейдевинт. Ха-ха-ха!

Капитан зажал пожелтевшими зубами мундштук. Вода стекала с козырька фуражки прямиком в чашу трубки... но оттуда всё равно выходил белый дым.

— Что ты смотришь, сынок!? Грот спустить!!! еп... твою!!! Ха-ха-ха!!! Ветер узлов сорок, не меньше!!! Три тысячи чертей в час!!! Привет Бофорту!!! Ха-ха-ха.

— ... Потому, что она выросла из него... или ты не помнишь...?!

Ветер промчался по тёмным волнам, обнажив вспененные водные жилы.

— Штормовой стаксель сынок!! вяжи стаксель! Шкот тебе в помощь. Ха-ха-ха!!! ты как в первый раз, сынок!!

Волна вырастала гранитной стеной прямо по борту, и, с оглушающим грохотом, сталкивалась со свинцовым небом. Достигнув неподвижного неба — волна падала перед носовым релингом, разбиваясь на осколки.

— Где твой плавучий якорь?! Ха-ха-ха, где этот змеиный хвост?! не взял?! Ха-ха-ха.

— ... А потому, что тебя не было в прошлом году Андрей!!!!...

— Женя, ты послушай, что ты говоришь!!!

Порыв ветра срывал пену с гребня волн и размазывал её по палубе. Ливень заливал зашиворот леденящую воду, пронзающую насквозь душу холодным лезвием.

— Ха-ха-ха, что ты мямлишь!!!!? Ослабить грот-мачту сынок!! ха-ха-ха! Вперёд к гига-шкоту!!!

— Повернуть стаксель!! Ха-ха-ха!! Быстрее шкот!! Ха-ха-ха.

— ... Как и в позапрошлом году... тебя вообще нет!

— А где я, по-твоему, был?!

Качка становится невообразимой. Скользящая палуба вырывает опору из-под ног. Падая, хватаешься за леера быстрее, чтобы не смыло за борт.

— Ты там жив?! Ха-ха-ха!!!

Мачта с треском наклонилась. Рангоуты хрустят как скелет у двухсотлетнего старика...

— Ты, что сынок, перевернуться хочешь?! Ха-ха-ха. Увидеть киль захотел?! Уж не собрался ли ты на дно — кормить рыб?! Думаешь это самое сложное выучить, что есть что? Ха-ха-ха.

— Ты не помнишь потому, что тебе всё время некогда!!!

— Как будто бы мне одному это надо?!

Безудержное метание по скользкой палубе. Острые, обжигающие капли воды, с бешеной скоростью врезаются в лицо, причиняя боль до рези в глазах.

Рулевой упал... боль пронзила затылок... Он разлепил веки — из двери каюты выглядывали маленькие испуганные глаза.

— Это всё надо только тебе! — сказала Женя.

Маленькую белую посудину подхватило гребнем огромной волны и вознесло ввысь над бурлящими потоками, посреди бескрайнего океана... ничтожно малая песчинка в огромных руках судьбы...

Щелчок выключателя — свет погас. В одно мгновение стало тихо — кто-то выключил все звуки, да и весь мир вокруг. Андрей остался один в совершенно пустой комнате, в которой исчез даже воздух. Он подошёл к Жене, обнял её и молча вышел из кухни...

У всего, что есть в этой комнате, есть своё предназначение и роль.

Из темноты комнаты донеслось эхо приглушённого смеха.

— Ха-ха-ха...

Эхо

Узкая расщелина. Две каменные стены смотрят в упор друг на друга.

Луч света бросается вниз с края уступа, и, в свободном падении, теряется в темноте, зажатой между отвесными скалами. На краю вершины над пропастью вытянулась рука — пальцы разомкнулись, и камень полетел вниз, вслед за лучом.

Хлопнула входная дверь. Цокнула связка ключей, упав на тумбочку.

Светлая прядь её волос виднелась в тёмной полосе зала, зажатой между светом из коридора и уличного фонаря, заглянувшего в окно. Она взяла в руки бокал и сделала глоток. Вкус холодной морозной улицы с привкусом выхлопных газов.

— Привет, — сказал он.

Она услышала: он наклонился, куртка шаркнулась о брюки. Раздался натужный выдох и ботинок шлёпнулся на порог. Застёжка молнии куртки скользнула вниз — «вжик». — На работе опять...

Ещё глоток со вкусом усталости тёмных вечеров и привкусом холодного молчания. Она сидела на диване спиной к коридору. Его пятки гулко отражались эхом от стен, когда он прошёл в гардеробную. Молния на брюках вжикнула, брюки трепыхнулись, плечики скрипнули по металлической перекладине. Он прошёл в ванную, по дороге пнув серого кота.

Ещё глоток с ароматом женского парфюма, который остался следом на воротнике его рубашки и на кончике его бороды. Ароматом, которым она никогда не пользовалась. От каждого звука и запаха неприязненное вздрагивание проносилось по её телу.

Камень летел вниз, гулко ударяясь о скалистые склоны.

Ещё глоток, и она почувствовала едва различимый и непривычный вкус, удививший её: металлический с привкусом лжи.

Ещё глоток...

Кольцо на безымянном пальце брякнуло о бокал. Она поставила бокал на столик и, стянув кольцо, положила его рядом.

Камень упал на дно расщелины. Гулкое эхо падения вознеслось вверх, мимо всех каменных уступов, и растворилось в воздухе бетонных стен многоэтажек. В вечернем городе среди жужжащих машин этого звука никто не слышал.

Солнечный блеск

Маленькие кусочки солнца вырывались из плена неподвижных и безжизненных кубиков льда в стакане. Огоньки света наполняли льдинки теплотой, и они таяли.

Девушка стояла на старом деревянном пирсе, придерживая рукой широкополую шляпу. Бриз трепал её волосы и пытался ухватить подол её длинного платья. В её солнцезащитных очках отражались волны, которые плавно и не спеша расстилались на жёлтом песке.

Он стоял у барной стойки в тени шатра и, покручивая стакан со льдом, наблюдал, как она прошла по пирсу и вернулась назад. Она вошла под широкий навес террасы и остановилась на входе. Окинув взглядом столики, она встретилась глазами с мужчиной, который стоял возле бара в льняной рубашке со стаканом в руках. Она прошла вдоль зала и села за крайний столик с видом на море.

Он прошёл мимо неё по террасе и сел к ней спиной за соседний столик. Их взгляды устремились вдаль, и там, на тонкой линии горизонта, где соприкоснулись синее небо и лазурное море, они пересеклись.

— Чем больше я смотрю на море*... — тихо сказал он.

Молчание повисло в негромком шуме солёного ветра.

— ... тем больше я скучаю по людям. * — ответила она — Это не так... Для меня — это не так.

Вечно молодой озорной ветер спустился с высоты и пронёсся над лазурной поверхностью воды. Он скользил по гребню нежных волн, одна из которых ласково улыбнулась ему. Он слегка коснулся её — она игриво брызнула капельками в ответ и звонко засмеялась.

Ветер выскочил на берег и пролетел над жёлтым раскалённым песком. Мелкие песчинки издыхали на солнце, как рыбы, выброшенные на берег, оставшиеся без воды. Они отняли все частички воды, которыми ветер успел напиться, проносясь над морем. Опустошенный ветер влетел на террасу, пролетел между столиков и людей и подхватил их слова, понятные только этим двоим. А может, не слова вовсе — секретный пароль двоих странников, которые случайно встретились на этом берегу. Пролетая мимо, он посмотрел на её осторожный взгляд, на его улыбку. Ветер вспомнил, что где-то уже видел такое, но очень давно или совсем недавно? Для беспечного ветра время не важно. Не важно так, как для этих двоих... или для других таких же... Он не задавался вопросами: он же ветер. Немного покружив, он полетел дальше.

* Х. Мураками, роман «Слушай песню ветра». Спасибо писателям.

Гости

Звонок в дверь.

— Привет, Женя, а Андрей дома?

— Да, что случилось?

— Миша с Алинкой уехали, может Андрей помочь мне достать с верхней полки коробку с вещами? Суббота — решила разобрать вещи.

— Андрей, — Женя крикнула, стоя на пороге. — Тут Аня, можешь помочь?

— Да. Сейчас иду, — ответил Андрей, натягивая на себя штаны в комнате.

Они поднялись на верхний этаж и зашли в квартиру.

— Чай будешь? — Аня улыбнулась.

— Нет, спасибо.

— Вот с этой полки пожалуйста, достань ту коробку.

— о-кей.

Андрей взял табурет и достал большую коробку.

— Куда ставить?

— На пол.

Он поставил коробку, Аня подошла и, наклонившись, начала что-то искать в ней. Взгляд Андрея скользнул вниз по её декольте и устремился в темноту между рубашкой и смуглой кожей. Аня посмотрела на него с улыбкой. Улыбка — белая полоса реки с расставленными в ней сетями, в которые попался Андрей.

— Как дела?

— Да э-э-э... всё хорошо. Здесь оставить?

— Да. Дальше я сама. Точно, чай не хочешь? У меня есть ещё кофе. — Она смотрела на него и улыбалась. На смуглом лице её тёмные глаза говорили что-то ещё — но кто может разобрать этих женщин.

— Нет, спасибо. Я пошёл... мне там ещё надо... — Андрей подошёл к двери. Аня остановилась рядом и сказала:

— Спасибо тебе. — Она дотронулась до его руки и улыбнулась. — Выручил.

Он мотнул головой и скрылся за дверью.

* * *

Женя нарезала красные помидоры на салат.

— Ну что помог?

— Да.

Андрей проскочил в комнату, сел на кровать. Оглядевшись, встал и пошёл в кладовую.

— А где Ксюша? — спросил он, проходя мимо Жени.

— В школе задерживается: сегодня репетиция. Сейчас пойду забирать и заодно переговорю с Оксаной.

Андрей выглянул из коридора и оглядел Женю. Медленно подошёл к ней сзади, обнял её за плечи и поцеловал в шею. Сжимая руками её бёдра, он грубо притянул её к себе.

— Что ты делаешь? — спросила она, не отрываясь от нарезки зелёного огурца.

— Здесь нужны ещё какие-то пояснения?

Он развернул её к себе и поцеловал. Рукой Андрей провёл по внутренней поверхности её бёдра, приподнимая её платье. Он схватил рукой за пояс и потянул его. Зазвонил телефон.

— Не сейчас: я тороплюсь. — Сияющая блеском счастья и источающая аромат беззаботности и нарезанных овощей, она выпорхнула из его объятий.

— Давай вечером... — бросила ему и взяла в руки телефон — Алло, Оксана Николаевна, да... уже... всё, я сейчас буду, и по поводу платья...

Андрей склонил голову над столом и остался один, точнее в обществе нарезанных овощей.

— Андрей, я за Ксюшей. Можешь скинуть деньги — на следующей неделе надо с платьем определиться.

— Да.

Дверь захлопнулась.

* * *

Он стоял в душе, облокотившись руками об стену. Струйки прохладной воды стекали по его телу.

Иногда он мотал головой — пытаясь вытряхнуть какие-то мысли, о какой-то улыбке.

Ориентиры

Звук будильника накрыл отрывки сна, гладким покрывалом нового дня. Оно легло безукоризненно ровно, скрыв под собой вопрос: а был ли какой-либо сон? А был ли день до этого сна?

— Доброе утро, дорогие радиослушатели. Утро опять начинается с недовольства тех, кто на себе прочувствовал эти пробки...

Андрей свернул на объездную. Тёмные тучи нависли примерно в двух метрах над вершинами голых деревьев. Ненасытный асфальт впитал дождь и продолжал поглощать все отблески света. В какой-то момент вся дорога, деревья, холмы и поля превратились в одну сплошную тёмную пустоту. Световой луч пытался вырвать хоть что-то из этой пустоты, пробираясь через грязную линзу фар. Азартный, юный исследователь искал дорогу, выцарапывая из темноты тонкую линию разметки, край полосы, сигнальный столбик.

Дорога пролетала перед глазами. Маленький лучик боролся с огромной темнотой, отбывая у неё метр за метром, хватая в свои светлые руки всё, что попадет на пути. Но всё это было настолько рыхлым и непрочным, что на следующем десятке метров дорога рассыпалась в руках у луча. Темнота побеждала. Участок темноты с десятков метров казался долгим и нереальным. Две секунды без ориентиров, без уверенности в том, что под колёсами есть асфальт — длились вечно и пахли едким страхом. Пальцы цеплялись за руль — дыхание замерло.

Ориентиры — как же они важны в пути! И неважно какие!

В эти две секунды темнотой был поглощён даже воздух. И снова неунывающий луч нащупал своими тоненькими руками край дорожной разметки и преподнёс её к глазам Андрея. Глоток воздуха — кусочек счастья. Страх питается неизвестностью. Твёрдая опора под ногами — убийца страха. А если, к тому же, знаешь, куда и зачем идёшь — то ты счастлив.

Вдалеке замаячил огонёк приближающейся встречной машины. Такой же: блуждающий в темноте, он указал изгиб дороги. Чем ближе становилась машина, тем навязчивее луч её фар ковырялся повсюду. Боль пронзила глаза Андрея, он закрыл их на долю секунды. Темнота взорвалась сверхновой звездой — стало невыносимо ярко. Ничего нельзя было разглядеть — Андрей отпустил ногу с педали газа. Луч-работяга нащупал край сигнального столбика прямо перед капотом машины. Андрей резко дёрнул руль и вдавил на тормоз.

Начало светать — темнота посыпалась с неба хлопьями утренних проблесков. Падая, она цеплялась своими воздушными краями за кончики выступающих веток. Из монолитной и бесформенной темноты выступили очертания деревьев и холмов.

Вблизи дороги проступило ещё одно очертание: стальная опора линий электропередач. Её скелет казался чужеродным протезом среди просыпающейся природы. Чёрный страж электрических линий разрезал небо остроконечной вершиной и держал на своих холодных опорах гибкие подвески с проводами и выглядел устрашающе.

По стальным проводам движется электричество в дом — где тепло. Где маленькие глаза перестают бояться темноты одним нажатием ручек на клавишу выключателя.

Загородный пейзаж сменился улицей, освещённой фонарями. Раздался телефонный звонок от Жени.

— Андрей, хочу на вечер суп с фрикадельками — заедешь за фаршем?

— Суп?! Да — неплохо.

— Люблю тебя.

— Люблю тебя.

* * *

Дверь скрипнула, красный квадратик календаря неслышно переполз на новую дорожку.

— Ну что, скоро ты станешь руководителем проекта? — спросил Юрий Владимирович, пожимая руку Андрею. — Григорию Владимировичу я написал о твоём замещении, на период поиска нового РП. А там, глядишь, и тебя оставят. Пора расти, Андрей!

Андрей улыбнулся. Желал ли он этого? Отбросив все сомнения — да, желал! Улыбка может скрыть многое, но не желания.

— Владимирович, всё собрался?

— Да, такова наша жизнь. Строители похожи на цыган: сегодня здесь, а завтра... Жду тебя в пятницу на гулянке. Всё, пока!

— До встречи!

Юрий Владимирович ушёл. Стены и потолок поглотили звуки шагов и мгновенно забыли его, словно никогда и не знали. Раздался телефонный звонок от Григория Владимировича.

Андрей с улыбкой взбирался по ступенькам на второй этаж. Одна мысль разгоралась в нём, и он уже чувствовал запах гари.

В кабинете сидел Григорий Владимирович, напротив него молодой человек в тёмном костюме и тёмно-синей рубашке.

— Андрей Александрович, знакомься — это ваш новый руководитель проекта.

Пшшшш. Все зачатки огня потушены. Неплохо, — подумал Андрей. — Две минуты в должности прошли не так уж и плохо.

Навстречу Андрею привстал широкоплечий мужчина высокого роста. Он протянул ему руку — мягкое рукопожатие.

— Данил. Привет! — бодро представился Данил.

— Андрей.

— Ну идите знакомьтесь. Данил Дмитриевич, возлагаю на вас большие надежды.

В коридоре Данил обратился к Андрею.

— Есть утверждённый график МСГ? Мне необходима матрица рисков.

Андрей слушал и бровь ползла вверх. Он и Владимирович были потеряны в потоке новых менеджеров, прекрасно владеющих инструментами управления и такими словечками. Последнее достижение Владимировича — он перестал ругаться матом, решая вопросы. Ну почти перестал.

— Срок реализуемого проекта? — продолжал Данил. — КАПЕКС сформирован?

Андрей почувствовал, как джинсы, расширяясь, трещали по швам. Из-под рваных синих лоскутов появились ноги, покрытые зелёной чешуйчатой кожей. Большие острые когти провали кроссовки и упёрлись в пол. Он почесал клешней затылок, и из зелёной головы велоцираптора вылетели слова.

— Ну что, на объект?

Они двинулись на площадку.

— Ты строил подобные объекты? — спросил Андрей.

— Нет, таких у нас в департаменте не было. Вот когда я был в Германии на заводе, мы смотрели, как работают установки. Кто у вас чем занимается?

— Я — строй часть. Васильевич — по оборудованию. Антон, недавно работает, планирует графики. Катя координирует и твой помощник. Со всеми остальными по ходу познакомимся.

Они зашли на объект.

— Сколько, думаешь, времени потребуется на сдачу?

Андрей осмотрел металлическую этажерку и сказал:

— Месяцев пять, может шесть. Вот ещё проблемный участок эстакады, — Андрей указал на металлические балки, увешанные сверху кучей труб. — Очень!

— Разберёмся! — уверенно сказал Данил.

Они поднялись на верхнюю отметку этажерки и остановились на наружной площадке. Данил осматривал оборудование и конструкции с удивлением, которого не мог скрыть. Андрей увидел этот взгляд и, улыбнувшись, сказал:

— Разберёмся?

Данил сделал серьёзное лицо и всё тем же бодрым звонким голосом ответил:

— Конечно!

Андрею понравилась эта уверенность. Уверенность в себе нравится людям. Её ищут в интернете, а обретают с годами и с людьми.

* * *

Андрей сидел на планёрке в круговороте вопросов, но в его голове крутились колёса красной Камы. На спицах переднего колёса были прикручены белые катафоты, а на заднем — красные.

Они сидели в небольшом кабинете, где совсем недавно был другой хозяин. Данил оперативно провёл совещание и, со знанием дела, подхватил знамя команды.

— Так, ну всё понятно! — подытожил Данил и подошёл к окну.

В этот момент в кабинет вошла Аня и мужская половина затаила дыхание. Облегающая юбка, смуглое лицо, на котором сверкнула белоснежная улыбка. Та улыбка, в которой Андрей попался в сети — в тот раз.

— Добрый день! — Данил развернулся и, посмотрев на неё, ответил:

— Привет.

— Меня зовут Анна Олеговна, я из договорного отдела. Данил Дмитриевич, у меня к вам будет вопрос по договору.

— Хорошо. Я подойду к вам, как только освобожусь.

Она вышла, унося с собой шлейф мыслей Андрея: о её улыбке и конечно же её попе. За этот шлейф зацепился мальчишеский взгляд Данила. Мы все одинаковые, когда дело касается осмотра друг друга. Женщины становятся девушками, а мужчины — мальчишками. Этот интимный момент позволяет нам оставаться молодыми.

Данил осмотрелся по сторонам.

— Так, ну что все за работу! Давайте сдадим объект сегодня к вечеру!

По кабинету пробежала волна смеха.

— Замечательный настрой! — ответил Андрей, подходя к двери. — В нашем детском саду не хватает такого воспитателя. Кстати, сколько у тебя детей?

— Дочь. У меня только дочь.

— Ещё не планируешь?

— Возможно, но только не с этой женщиной, — задумчиво ответил Данил и уткнулся в бумаги. Андрей вышел и остановился возле Катиного стола. Он посмотрел на её цветок.

— Красивый, поливаешь?

— Андрей, ты серьёзно?!

— Да, прости. Как дела?

— Всё норм. Как ты сам?

— Тоже ничего. Ходили в выходные в кино — на какой-то мультик.

— Понравился?

— Очень — выспался на отлично.

Катя рассмеялась.

— Стареешь!

— Не без этого.

— Да, стареем, — Катя задумчиво посмотрела на свой цветок.

Андрей поджал губы и тихо сказал:

— Ну всё ведь будет хорошо!

Катя посмотрела на него.

— Всё будет так, как будет. — Она попыталась улыбнуться — не очень удачная попытка.

— Как тебе новый? — Андрей махнул головой в сторону двери Данила.

— Как тебе составить портрет?

— Обстоятельно.

— Так! То, что молодой, спортивный, широкоплечий и симпатичный — пропустим?

— Определённо — мне ещё ударов по самооценке не хватало.

— То, что грамотный менеджер с подвешенным языком — тоже? И даже если где-то не волочет, то упорством добьется.

— Уффф. Женщины, вы всегда видите всё. Продолжай.

Катя поправила оправу своих очков.

— Но всё же, мне кажется, хоть у него и проступила седина на чёрных волосах — мальчишка он ещё. Посмотрим, но к успехам он явно предрасположен.

— Думаешь?

Она наклонилась к Андрею и тихо сказала:

— А ты знаешь, сколько он получает?

— Да откуда?

— В три раза больше, чем ты.

— Ухф. Женщины знают всё. Похоже он впечатляющий мужчина — меня уже впечатлил.

Они улыбнулись. Зазвонил телефон Андрея. Он кивнул Кате и вышел в коридор.

— Алло, Андрей.

— Привет, пап.

— Ну как ты, как дела?

— Да всё норм.

— Как дома?

— Да нормально.

— Как Женя, Ксюша? Зашли бы на выходных!

В конце коридора появился Васильевич и начал окрикивать Андрея.

— Пап, я перезвоню. Всё хорошо!

* * *

В тишине тёмного коридора раздавалось тихое клацанье, неспешно нажимаемых клавиш. Андрей протёр глаза и, глянув вглубь пустой кружки, убрал её в шкаф.

Что-то там... в табличке... срочно — к утру. Его не волновало ничего из того, в чём он видел свои опасения: всё окажется лишь впустую потраченным временем. Срочная табличка нужна для того, чтобы она была.

Андрей зашивал цифры в клетки таблицы, придавая им какой-то смысл. Он ощутил жажду и направился к кулеру, стоявшему в конце коридора. Хвост белого света торчал из приоткрытой двери. Антон быстро бросал маленький резиновый мячик на пол и ловил его обратно. Прикольно, — подумал Андрей и развернулся, чтобы уйти, но его остановил голос за спиной.

— О, Андрей, привет. — Антон вышел в коридор и, улыбнувшись, сказал. — Проходи. Чай будешь?

— Не-е, — протянул Андрей, — спасибо, я уже пошёл.

— Да не гони, проходи! — Антон указал на стул. — Сало! Андрей, есть офигенное сало! Андрей немного замешкался, но сел за стул.

— Почему бы и нет, — тихо ответил Андрей.

Антон положил сало на листочек и нарезал несколько кусочков.

— Вот немного разминаюсь, — сказал Антон, указывая на мячик. — Целый день сидя — тяжело проводить.

— Однозначно, — пробормотал Андрей, пережевывая сало.

— Ну это не так разминка, что у тебя! — Антон улыбнулся и противно захихикал. — Ты, конечно, бабуин. Прижал меня к стене. Я думал ты меня ударишь! Жёстко!

Андрею стало неловко и, понимая, что сам перегнул палку, он не хотел просить прощения. В конце концов он воспользовался первым правилом песочницы: Антон сам виноват!

— Просто плохой день, — выжал из себя Андрей.

— Да ладно. Знаешь, что я увидел в этом?

— А что можно увидеть в разозленном человеке?

— Человека: живого человека. Посмотри, на работе мы то и дело либо хохочем, как дураки, либо материмся друг на друга. Говорим, говорим, говорим. Мы в оболочке, понимаешь? Даже если смеемся. А тут ты — живой. Если ты принимаешь что-то близко — это вовсе не значит, что шкурка тонкая, это значит, что внутри ты ещё жив. Не знаю, понимаешь или нет? Зубы скрипят, глаза из орбит, кулаки. И ты готов был ввязаться в драку из-за пустяка. Я испугался, но я не люблю драться, хотя приходилось.

Антон налил кипяток в кружку и, протянув её Андрею, продолжил.

— Однажды ночью я шёл поддатый. Навстречу мне типы. Ну там всё как обычно: дай закурить и всё такое... — Антон захихикал. — Короче, без посещения травмы — не обойтись. У меня в руках пиво. Я беру бутылку, разбиваю дно об асфальт и говорю им: могу и закурить дать, кто первый?

Антон попытался выдавить из себя смех, но получилось лишь его противное хи-хи-хи.

— Ну вот, я и говорю: шпана на улице. На улице всё всегда по-настоящему, даже если не честно. А здесь, здесь очень много лицемерных людей. В них нет... как сказать... настоящего.

— Почему ты так думаешь, что все мы не настоящие?

Антон встал, подошёл к окну и открыл форточку. На подоконнике стояла пустая алюминиевая банка от газировки. Андрей ощутил что-то знакомое: ему снова пятнадцать...

— Люди покрыты оболочкой и... боятся. Бояться быть собой. Мы смеемся: пытаемся убежать от реальности. Для нас сарказм — защита. Понимаешь?

Антон сжал рукой банку и скрепкой проделал в ней несколько отверстий.

— Может это и не так... Просто не могу найти слов... Мы смеемся, а на самом деле внутри кричим. Мы всё время в движении и не можем остановиться.

Он оглянул стол. Из-под стопки бумаг он достал пачку сигарет. Выудив одну сигарету, он протянул пачку Андрею.

— На держи. Это настоящие друзья: никогда не подводят, когда рядом, и очень нужны, когда их нет.

— Я не курю, уже давно.

— Я знаю.

Антон улыбнулся и выкрошил сигарету на смятую алюминиевую банку.

— Нам так внушили: быть кем-то с обложки... быть всё время впереди... Тачка, телефон последней модели... «нах» он тебе?! Забить их рилсиками про то, как стать успешнее, при этом продолжая ходить на наемную работу?! Зачем тебе телефон, если в нём нет хотя бы одного номера?...

Антон достал зажигалку, поднёс банку ко рту и остановился.

— Номер, который можно набрать, когда тебе плохо. Номер, который ответит в любое время. Там не скажут: мне некогда. Если у тебя нет таких номеров, зачем тебе вообще телефон?! А если есть, то неважно какая модель телефона у тебя. Понимаешь?

Он усмехнулся и зажёл кусочки табака на банке...

— Наверное, ты думаешь: вот странный чувак!

Перед Андреем стоял худощавый парень, с тонкими беспокойными пальцами и бегающими глазами. А стоял ли он? Скорее всего, он был в свободном падении. Печальный образ одинокого человека во вселенной своих мыслей. Он насквозь пропах сигаретным дымом, и от него веет одиночеством: холодным, промозглым и очень сильным. Эта сила подхватила его и унесла.

— Вот ты, всё время там-сям, бегаешь, а о чём ты думаешь, когда остаешься один? Я не хочу прятаться, не хочу казаться тем, кем не являюсь. Все пытаются быть веселыми, успешными и не дураками. Знаешь, кто боится показаться дураками и всё время оказываются в дураках? — он усмехнулся — Дураки.

Здание опустело, погрузилось в темноту и пропиталось тишиной. Охранник на проходной смотрит телевизор. И только в окне одного кабинета горит огонёк, словно свет маяка на берегу. И один путник пришёл на свет и встретил другого путника. Что они могут сказать друг другу? Только рассказать о своём пути. У каждого он свой и каждый пройдёт его в надежде однажды дойти до того места, где он будет...

— Будешь? — спросил Антон.

Щелчок зажигалки. Несколько секунд тишины.

— Почему бы и нет...

Фотографии

Стук колёс поезда перекликался со стуком дверей в тамбуре... Ветер курил. Волна стояла рядом и смотрела на него. Нерешительно она подошла к нему ближе и, обняв её, он шепнул ей что-то. Он знал, что у волны есть другой ветер, но всё же он позволил себе это... обнять и признаться в своих...

Сейчас поезд остановится — Волна сойдёт на перрон и её обнимет другой, тот, который ждал её.

Ветер бродил по дворам, напивался и пытался забыть её улыбку. Он гонял на старых жигулях с другими пьяными ветрами по дворам, раздувая жёлтые листья и опустошая стеклянные бутылки.

Ветер видел её в объятиях другого, возле подъезда её дома. Волна смотрела на него, но теперь уже не улыбаясь.

Спустя несколько дней, длившихся вечность, раздался телефонный звонок.

— Алло! — Голос Волны раздался в трубке. — Привет.

— Привет.

— Ты... я тебе фотографии могу передать. Помнишь, наши общие с группой?

— Хорошо. Я...

Они оказались одни в осеннем вечере, наполненном влажным холодом и шёпотом её посиневших губ. Ветер посмотрел на фотографии.

— Память останется, — сказал Волна.

— Это да, — протянул Ветер. — С годами остаётся лишь память, да дети.

Он улыбнулся, а она рассмеялась.

Волна продрогла, он стянул с себя олимпийку и протянул ей. Она подошла к нему ближе, и он почувствовал непреодолимое желание: не отпускать её.

Старые ржавые качели, пожелтевшие кусты и её робкий взгляд...

Она развернулась и ушла, мерцая тремя полосками в темноте ночного двора. Ей нужно было решить один вопрос, с тем, кто был частью её жизни... С той частью жизни, что уже была в прошлом. Правда, Ветер этого не знал и, провожая её взглядом, он думал, что отпускал её навсегда.

У влюблённых время всегда идёт как-то не так...

По проспекту

Андрей закинул шапку на затылок и, обдуваемый порывом сухого пыльного ветра, неспешно шёл вдоль проспекта.

Скрипнула металлическая дверь.

В голове стих шум поздравлений и пожеланий на проводах бывшего начальника, и стало так легко.

Руки потянулись к старой ржавой банке с краской, покрытой пылью... прошлой жизни.

Солнце игриво светило, оставляя свои яркие красные следы на серой земле, а на зубах ощущались пылинки.

Художник открыл банку и начал размешивать густую массу красных, сочных весенних лучей. Сердце замерло, а в глазах разгорелась жадность. Тягучие капли медленно стекают с кисти и... хочется ещё!

Мастер наносит первые густые мазки на холст, покрытый прошлогодней пылью. Картина новой жизни появляется на слое грязи, лежащей вдоль дорог, ожидая, когда её унесет поток проливного дождя. В углу картины: на краю обочины лежат чёрные глыбы льда, которые когда-то были белыми и радовали.

Рука художника уверенным и лёгким движением наносит первый тонкий слой весны. Первый, слегка различимый, но такой долгожданный и притягательный.

Ветер подхватил эхо его шагов и унесло вдоль вечерних улиц, наполненных звуками весны. Оживленный поток воды громко журчал и скрывался в темноте колодца дождевой канализации у обочины дороги. Закрыв глаза можно было увидеть величественное, нескончаемое течение горной реки, которое бежит по шивере извилистого русла, разбиваясь о скалистые берега... Проезжающие машины трещали шипованными колёсами, словно искры, вылетающие из костра. Простые вещи объединяют маленькое и великое.

На лицо Андрея выползла довольная улыбка и, словно усевшись на кресло-качалку, наслаждалась укачиванием от его неспешных шагов, которые глухо отстукивали по асфальту. Как же хочется никуда не торопиться в жизни, проносящейся со скоростью 4G...

Мимо проплывали здания, некоторые из которых построил он: этот большой магазин, тот многоэтажный дом, что стоит в компании таких же высоких и одинаковых. Окутанные пылью и городским шумом, они молча наблюдают: как меняются люди, взрослеют и стареют. Холодные и угрюмые с виду, в глубине своих бетонных сердец они ещё помнят эмоции и крики мата всех своих создателей. Помнят те времена, когда они были ещё малышами и тот смех, потерявшийся в долгих продленных вечерах на работе.

Да — его не было дома. Его всегда не было дома. Два прожектора на отметке рассекают ночь, которая дышит прохладой. Все в напряженном ожидании последней машины с бетоном, которая где-то потерялась. Как оказалось, водитель заблудился. Вот чем плохи разгильдяи: они втягивают тебя в свою жизнь и в свой бардак. Их бардак становится твоими проблемами.

Солнце подмигивает отражением в стеклах верхних этажей.

Этот дом «рождался» тяжело. Сроки — ограничены, люди, на которых были возложены надежды, подводили... Надежда — это самая тяжёлая штука, возлагая их на кого-либо, не забудь — это всего лишь люди, они могут сломаться.

Он подошёл к остановке и, встав рядом с совсем молодыми ребятами, закурил. Они оживлённо о чём-то разговаривали.

— ... Ты папе ещё пожалуйся...

— Ты забыл — у него нет отца!

В чёрных широких одеждах они были неразличимы друг от друга. Траурные цвета — так не идут молодым. словно познавшие все печали этого мира, их миловидные серьёзные

лица знают что-то ещё... Вчерашние дети думают, что всё знают или же они так чувствуют? По крайней мере так уверяют их блогеры, возвращая холодный цинизм в их душах. Дети знают обо всём, что происходит в тик-токах, откуда появляются дети и куда уходят отцы. Видимо, запутавшись в паутине этих знаний, они стали печальными молодыми людьми в тёмных одеждах, осознав своё врожденное одиночество. Каждое новое поколение не верит ничему хорошему, но надеется...

У них есть ещё немного времени насладиться своими печальями: вскоре мир, ослепив их яркой вспышкой, отдаст им власть над временем собственных жизней. Власть даст им свободу на короткий промежуток времени, а взамен отнимет что-то большее. Вне зависимости от того, готовы они к ней или нет, они получают свой миг власти.

Мальчишки почувствуют опьяняющий вкус силы, ласкающей им сердце и манящей их покорить вершины этого мира. Они сменяют чёрные широкие штаны на строгие брюки, в которых они будут выглядеть важно на совещаниях, а из-под коротких рукавов их рубашек будут выглядывать татуировки.

А девочки... девочки сменяют чёрные бесформенные наряды на красивые яркие платья, подчеркивающие их фигуры. Они будут улыбаться, почувствовав свою красоту, нежность и силу над мальчишками.

Солнце скрылось где-то в высоких бетонных скалах, обросшими стеклянными окнами.

Холод, стелившийся по земле, почувствовал, что теперь никто не ограничивает его свободу. Он поднялся вверх, чувствуя свою силу, и передал горло ручейку, сочившемуся вдоль бордюра.

К остановке подъехал автобус — толпа людей двинулась в салон. Плотно зажатый со всех сторон, Андрей оказался рядом с молодой парой, которая ютилась возле окна на средней площадке. Девушка в лёгкой кожаной куртке прислонилась спиной к стеклу, а парень схватил двумя руками поручень позади неё, заключив её в объятия. Автобус тронулся вперёд — масса из сплетения тел двинулась в противоположную сторону. Парень пытался сдерживать натиск окружающих тел, не давая им задавить её. Она улыбалась и что-то говорила ему, положив руки на его грудь. Тонкие, посиневшие от холода губы улыбались ему... только ему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.